

Фразеологизмы: *Продрогли* липы до костей, До лык, до сердца лубяного; Великороссия промокла Под красным ливнем до костей...

Символические значения: *Смерть*. О, в океане непогожем Притон драконов-кораблей, Чьи паруса из рыжей кожи И груз из праха и костей, – Исчезните!..

Выводы.

Описание метонимического, метафорического и символического планов текста помогает выявить глубинные законы поэтической образности, определить их роль в формировании единого культурного пространства поэзии.

Представленный подход к лексикографическому описанию основан на представлении о сложности толкования значений поэтического слова, оторванного от текста. Пространство текста «не равно механической сумме значений слова [3, с. 97], а «процесс смысловой индукции текста разворачивается нелинейно, по многим направлениям сразу, многократно возвращаясь к уже пройденным этапам, вызывая все новые ретроспективные переосмысления [1, с. 344].

К настоящему времени авторы словаря фиксируют своеобразие лексики тематической парадигмы «Мир человека» (соматизмы). В перспективе работы предполагается подобное описание всех ведущих

парадигм, объединяющих поэтическую лексику Николая Клюева.

Литература

1. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М., 1996.
2. Головкина, С. Х. Принципы, задачи и структура «Поэтического словаря Николая Клюева» / С. Х. Головкина // Клюевский сборник. Вып. 1. – Вологда, 1999. – С. 22–32.
3. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996.
4. Поэтический словарь Николая Клюева. Вып. 1: Частотные словоуказатели / сост. М. В. Богданова, С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина, С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2007.
5. Поэтический словарь Николая Клюева. Вып. 2: Соматизмы / сост. С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина, С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2010.
6. Яцкевич, Л. Г. Поэтическое слово Николая Клюева / Л. Г. Яцкевич, С. Х. Головкина, С. Б. Виноградова. – Вологда, 2005.
7. Яцкевич, Л. Г. Проект поэтического словаря Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич, С. Х. Головкина // Клюевский сборник. Вып. II. – Вологда, 2000. – С. 5–36.
8. Яцкевич, Л. Г. Словарь топонимов и этнонимов Н. А. Клюева. Алфавитный частотный словоуказатель / Л. Г. Яцкевич, С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина // Клюевский сборник. Вып. II. – Вологда, 2000. – С. 37–46.

УДК 811.161.1

С. А. Громыко

Вологодский государственный университет

ТРАДИЦИОННАЯ СЕВЕРНОРУССКАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПРОЕКТА «ВЕЛИКИЙ УСТЮГ – РОДИНА ДЕДА МОРОЗА»

Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук (соглашение МК 5977.2015.6, тема: «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона»)

В статье рассматриваются приемы и способы формирования представления о севернорусской культуре в туристическом дискурсе проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» на материале одного из мероприятий. Анализируются диалектные и фольклорные элементы, использующиеся в сценарии мероприятия. Делается вывод о систематичности и уместности привлекаемого фольклорного и диалектного материала.

Туристический дискурс, массовая культура, диалект, фольклор, вологодские говоры.

This article considers the techniques and methods of formation of the idea of northern Russian culture in the tourist discourse of the project "Veliky Ustyug – the Homeland of Father Fros" on the material of one event. Dialectal and folklore elements used in the event script are analyzed. The conclusion about the regularity and propriety of the attracted folklore and dialect material is drawn.

Tourist discourse, popular culture, dialect, folklore, Vologda dialects.

Введение.

Туристический дискурс сравнительно недавно стал предметом изучения современной лингвистики. В общих чертах под туристическим дискурсом по-

нимается «речь, реализуемая в институциональных ситуациях общения в предметной области туризма» [4, с. 3]. Для него присущи такие черты, как: информативность, оценочность, побудительности и персуа-

живность [4, с. 3]. По этим параметрам туристический дискурс является типичным дискурсом массовой коммуникации и близок, например, к рекламному дискурсу [6, с. 77–84]. Исследование туристического дискурса проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» интересно именно тем, что за несколько лет он внедрился в массовую культуру современной России, стал узнаваемым и упоминаемым федеральными средствами массовой информации.

Проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза» реализуется с ноября 1998 г. За это время он приобрел всероссийскую известность. Согласно официальной статистике туристический поток в Великий Устюг увеличился с трех тысяч человек в 1998 г. до двухсот пяти тысяч в 2009 г. Затем, однако, количество туристов несколько сократилось по экономическим причинам, в результате чего в 2014 г. город посетило сто семьдесят тысяч отдыхающих. О федеральной значимости данного туристического проекта свидетельствует география приезжающих в Великий Устюг: в 2009 г. около половины всех отдыхающих приехали из Москвы и Московской области, 13 % – из Нижнего Новгорода и области, 12 % – из сопредельных регионов (Архангельская, Свердловская области, Республика Коми), 10 % – из Санкт-Петербурга. Большое количество туристов прибыло в город из Казани, Кирова, Калининграда, Волгограда, Ижевска, Перми. Образ сказочного волшебника помог активизировать и внутренний туризм: около 9 % туристов приехали из Вологодской области [1].

В качестве одной из главных задач проекта в долгосрочной целевой программе «Великий Устюг – родина Деда Мороза» на 2011–2014 годы заявлено информационное продвижение всей Вологодской области как туристического центра [3]. Это кажется вполне обоснованным: идентификация Великого Устюга как родины Деда Мороза стало локомотивом развития туризма во всем регионе, тем более что проекту сопутствуют сходные по контексту туристические события в районах области (праздник Лодки, праздник Коня и т. п.). По всей видимости, областные власти в процессе продвижения имиджа региона делают ставку на развитие контекста традиционной народной севернорусской культуры.

Инфраструктура проекта на сегодняшний день сложна (проект обслуживают несколько юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Дом Деда Мороза, Зоопарк Деда Мороза, Почта Деда Мороза и т. д. имеют разных собственников), однако, по оценкам как туристов, так и экспертов, недостаточно развита. Виной тому ярко выраженная сезонность проекта: основной туристический поток приходится на декабрь – январь, а весну, лето и осень объекты практически пустуют. В этих условиях руководители проекта начинают делать ставку не только на экскурсионный, но и на событийный туризм, который призван при помощи тематических мероприятий привлечь туристов в Великий Устюг не только в зимний, но и в другие сезоны. При этом концепция событийного туризма в области опирается на традиционные для Северной Руси, но забытые праздники, отраженные в народном календаре. Базой для этих

мероприятий стал Дом Деда Мороза, сотрудники которого разработали целый комплекс праздников, ориентированных на традиционную культуру, для детей и взрослых: семейный праздник встречи весны «Грачная каша», театрализованная встреча гостей вотчины «Сказки румяного Блинка», праздник русского Лаптя и т. д.

Основная часть.

Авторы сценариев к праздникам и актеры ориентированы именно на те особенности народной культуры, фольклора, языка, которые характерны для севернорусских земель. Сотрудники Дома Деда Мороза, отвечающие за сценарий праздников, обращают внимание на то, что перед ними стоит задача не только создать антураж чего-то сказочного и исконно русского, но и познакомить туристов с традиционной культурой Вологодского края, особенностями речи и фольклором. Сразу же отметим, что поставленная задача довольно сложна, так как глубина такого знакомства с вологодской культурой зависит от готовности аудитории воспринимать такого рода информацию, и ограничена развлекательным характером мероприятий. Иными словами, организаторы праздников должны, ориентируясь на среднестатистического туриста, не просто создать событийный костюмный лубок, но рассказать в контексте мероприятия о культуре Русского Севера. Рассмотрим, каким образом создается представление о севернорусской культуре в дискурсе событийного туризма на примере театрализованного представления «Палитра моды», которое является частью двухдневного фестиваля «На полянах Деда Мороза» (г. Великий Устюг).

Режиссер представления С. Шмидько так характеризует мероприятие: «Театрализованное представление «Палитра моды» построено на основе исторического, литературного, обрядово-фольклорного, местного и справочно-энциклопедического материала. Идея праздника продиктована необходимостью возрождения и сохранения народных традиций моды, а также ее богатством и неповторимостью» [7]. Представление состоит из трех эпизодов. Первый эпизод «Краше наряжайся – на игрище собирайся» построен на материале из истории костюма Русского Севера и на фольклорно-обрядовом материале. Эпизод насыщен русскими традиционными играми, песнями и плясками. Используются приемы активизации зрителя через старорусские игры. Действие разворачивается как деревенское игрище, где шуточный конфликт происходит между деревенскими парнями и девушками. В эпизоде демонстрируются коллекции костюмов в номинации «Традиционный народный костюм». Демонстрация конкурсной коллекции костюма решена через показ приданого из сундука русской невесты.

Во втором эпизоде «Вкус – дело наживное, безвкусница – врожденное» высмеивается безвкусное сочетание русской и «заграничной» моды. Эпизод, составленный на историческом материале, посвящен показу коллекций сказочного, исторического костюма и костюма в номинации «Коллекции из подручно-

го материала». Данные номинации всегда обладают пышностью и красотой, поэтому эпизод решен как ассамблея Петровских времен. Эпизод написан в сатирическом жанре. Главные действующие лица – шуты, высмеивающие отношение бояр и придворных к указам царя Петра I. Происходит шуточное «сбривание» бород и укорачивание кафтанов. Активизация зрителя в эпизоде – сбор налога с мужчин – гостей фестиваля за ношение бороды. «Противники» бриться уплачивают налог задорной пляской. В финале эпизода хореографические коллективы проводят мастер-классы со зрителями, обучая их традиционным движениям танцев периода царской России.

Третий эпизод «Модный приговор», решен по принципу одноименного телевизионного шоу. Актеры, выступающие в роли известных телеведущих, судят «ценителей» моды – современных подростков за их неумелое копирование красок и стилей одежды их кумиров. В эпизоде демонстрируются коллекции костюмов в номинации «Современный стилизованный костюм» [7]. Рассмотрим средства, с помощью которых зритель-турист в соответствии с замыслом авторов должен познакомиться с традиционной севернорусской культурой.

1. Диалектная фонетика.

Актеры во время представления активно используют следующие диалектные особенности, характерные для вологодских говоров:

- сильное оканье [поку'да он посп'эва'јэт];
- эканье [ј'эл'э'на л'энос'э'јка на двор'э'];
- [у] неслоговое [д'э'ук'и].

При этом другие диалектные фонетические черты проявляются нерегулярно. Интервокальный [ј] сохраняется в большинстве окончаний прилагательных и глаголов, присутствует литературная корреляция согласных по твердости — мягкости, европейский [л], характерный для говоров востока области, не отмечается. В целом при прослушивании записи создается впечатление нарочитости и утрированности диалектного произношения, подчеркивания наиболее известных и узнаваемых его черт.

2. Диалектная лексика.

В текстах, произносимых со сцены, наблюдается большое количество слов, используемых носителями севернорусских говоров. «Словарь Вологодских говоров» подтверждает эти данные. Использование диалектных слов определенных тематических групп связано со спецификой мероприятия. Так, в первой части театрализованного представления «Палитра моды» активно употребляются слова тематической группы «женская одежда». Рассмотрим некоторые из них.

Полно! Пятнадцать годков всем исполнилось! А с возраста этого – невесты мы! На гуляния можно ходить не в исподке, а в сарафане-пестряке!

Ср.: *исподка* 'нижняя рубашка': *Она из огня в одной исподке выскочила; Опётъ исподку не надела, не лето ведь, примёрзнешь вот к платью без исподки-то; В исподке спим, раньше сорочкой тельной называли или исподкой* [5, вып. 5, с. 37]; *пестряк* 'сарафан из домотканой пестрой ткани, обычно двухцветной, в клеточку или в полоску': *Вот я вам сей-*

час пестряки мои покажу, они с лямками [5, вып. 7, с. 109].

Реплика, употребленная актером, является некорректной: *исподка* — нижняя одежда женщины, она могла одеваться только под другую одежду, например под сарафан. Из данной фразы же следует, что девушки до пятнадцати лет могли ходить на гуляния в исподке, что является нонсенсом.

В сундучке моем не серебро, не золото, а все добро богато: рубахи-станушки, разны накидушки, кички парчовы, рукава кумачовы, епанички аксамитовы, пояса лонитовы.

Ср.: *накидушка* 'женская безрукавая кофта' [5, вып. 6, с. 33].

В текстовой части представления встречаются и слова тематической группы «рукоделие»: *Нужно мне сундук с приданым дополнить: пташку на рушнике довышивать... Суженому будущему такой рушник подарю.*

Ср.: *рушник* 'вышитое полотенце, которое вешали на икону, зеркало, стену, дарили на свадьбе': *Рушники раньше сами вышивали и дома ими украшали; Подарила мне свекровь рушник, а уж баской до чего!* [5, вып. 8, с. 100].

В реплике отразились два традиционных культурных стереотипа: во-первых, девушка вышивает рушник, чтобы подарить его своему будущему жениху, во вторых, на рушнике вышивается петух, что имеет сакральное значение.

Особое внимание авторы сценария представления уделяют использованию диалектных слов, обозначающих предметы быта и орудия труда севернорусского крестьянина, а также отдых и досуг: *На Леносейку парни на игрище собираются! Там мы женихов и приглядим! Они – то нам прялицы по осени и мастертят!*

Ср.: *прялица* 'деревянное приспособление для ручного прядения, состоящее из горизонтальной части, на которую садилась пряжа, и вертикальной части, к которой привязывалась шерсть или кудель': *За прялицей, бывало, песни поём и прядём; Ходили все на посиделки и прелицы брали* [5, вып. 7, с. 152]; *игрище* *устар.* 'гуляние молодежи на улице с песнями, плясками, играми в праздничные дни': *Каждой праздник игрища собирались, много девок да ребят было; По праздникам-то прежде игрища были; В святки игрища были, плясали, песни пили* [5, вып. 5, с. 3].

3. Упоминание праздников народного календаря.

Ох, девки! Елена-леносейка на дворе! Пора лён сеять!

Праздник Елены-леносейки по народному календарю приходится на 3 июня (21 мая по старому стилю) – день святых Константина и Елены. В этот день поселяне начинали сеять лен. Соответственно, с этим праздником связано большое количество обрядов, направленных на получение большого урожая. Упоминание данного праздника не только ориентирует зрителя на традиционный народный календарь, но и подчеркивает распространенность на территории Русского Севера льноводства.

4. Использование русских народных песен.

Сценарий предусматривает исполнение девушками русской народной песни «Сею, вею, посеваю» со следующими словами:

*Сеем, веем, посеваем!
Вместе с нами! Поспеваем!
Пусть народится ленок,
Ладен, складен да высок!*

Девушки сопровождают этой песней процесс посева льна. Однако в действительности песня «Сею, вею, посеваю» в различных вариантах бытует в русском фольклоре как рождественская колядка, распространенная не только на севернорусской территории, но и на юге Руси и в Сибири [2, с. 124].

Кроме того, в одном эпизоде девушки поют частушки особого типа – «про супостаточку», которые также были распространены практически на всей исконно русской территории:

*Супостатка нынче пляшет
В беленьком платочке!
Перед дrolенькою вьется,
Как змея на кочке!*

К этой же группе средств формирования представления о севернорусской культуре можно отнести и использование в качестве фонового музыкального оформления народного наигрыша «Великославинская гармошка», распространенного именно на территории вологодских земель.

5. Авторские песни, стилизованные под русский фольклор.

Такие песни используются в основном для фонового музыкального оформления некоторых элементов представления: выхода актеров на сцену, курсов и т. п. В некоторых случаях персонажи, находящиеся на сцене, также исполняют эту песню. Например, в анализируемом сценарии такой стилизованной композицией является песня автора слов и музыки В. Н. Скунцева «Земляничка-ягодка».

*Земляничка-ягодка, да
Во бору родилася!
Вот я, вот и я, вот и милая моя!*

*Во бору родилася, да
На солнышке вызрела!
Вот я, вот и я, вот и милая моя!*

Интересным представляется тот факт, что данная песня входит в репертуар ансамбля «Казачий круг», который исполняет казачьи народные песни. Неясно, чем обусловлен выбор именно этой песни, которая представляет (пусть и в стилизованном виде) не севернорусскую, а южнорусскую культуру. Этот выбор можно назвать даже странным, так как в тексте пес-

ни отражено яканье, совершенно не характерное для вологодских говоров:

*На солнышке вызрела, да
Русу косу **часала**.
Вот я, вот и я, вот и милая моя!*

Выводы.

Таким образом, формирование у туриста представления о севернорусской культуре через театрализованную постановку в Доме Деда Мороза предусматривает разнообразные средства от диалектной фонетики до фонового музыкального оформления. Однако представление это формируется в целом бессистемно, ситуативно: элементов, напрямую связанных с севернорусской культурой, не так уж много, они утрированы, не взаимодействуют друг с другом и подтверждают уже сложившиеся стереотипы. Диалектная лексика в основном легко распознаваема для носителя литературного языка за счет прозрачной внутренней формы и распространенности в других говорах. Сценарий на ней не концентрируется, не ставит перед зрителем вопросов об интересных словах, их значении и происхождении. Обильно используются общерусские фольклорные элементы, в то время как севернорусский фольклор имеет специфику и мог бы представлять интерес для зрителя. Настораживает наличие в сценарии откровенных ляпов этнографического и культурологического характера. Театрализованное представление «Палитра моды» ориентировано в большей мере на укрепление в массовом сознании уже имеющихся стереотипов о севернорусской культуре как части общерусской традиционной культуры, чем на создание нового представления о специфичности и самодостаточности культуры вологодской земли.

Литература

1. Итоги реализации проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» за 1998–2009 гг. – URL: http://city-strategy.ru/upload/document/VelUstug_itogi. Дата обращения: 05.05.2015.
2. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. – М., 1981.
3. О долгосрочной целевой программе «Великий Устюг – родина Деда Мороза» на 2011 – 2014 гг. Постановление Правительства Вологодской области. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/460300278>. Дата обращения: 05.05.2015.
4. Погодаева, С. А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе: дис. ... канд. филол. Наук / С. А. Погодаева. – Иркутск, 2008.
5. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. – Вологда, 1983–2007.
6. Филатова, Н. В. Жанровое пространство туристического дискурса / Н. В. Филатова // Вестник МГТУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2012. – №2. – С. 77–84.
7. Шмидько, С. В. Традиционный праздник в Доме Деда Мороза. Литературный сценарий: Выпускная квалификационная работа / С. В. Шмидько. – СПб., 2015.